

12. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М., 1982. – С. 61-62.
13. Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. Лекции для студентов. – Томск, 1976. – С. 24.
14. Курс советского гражданского процессуального права. – М., 1981. – Т. 1. – С. 136.
15. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М., 1982. – С. 62.
16. Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. Лекции для студентов. – Томск. 1976. – С. 24.
17. Валеев Д.Х. Лица, участвующие в исполнительном производстве. – Казань. 2000. – С. 39.
18. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юрист. – 2003. – С. 110-111.

Батычко Виктор Тихонович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 888634371631; +79289668953.

Batytkho Victor Tihonovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +788634371631; +79289668953.

ББК 67.99

Н.Ф. Земченков

**НАРОДОВЛАСТИЕ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена дискуссионной теме соотношения народовластия и местного самоуправления, рассматриваемого как его частный случай. Местное самоуправление позиционируется как форма народовластия, обеспечивающая суверенитет народа и неотчуждаемость субъективных прав человека и гражданина.

Народовластие; суверенитет; самоуправление; публичная власть; демократия полномочия; ресурсы.

N.F. Zemchenkov

**DEMOCRACY AND LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN
POLITIKO-LEGAL DISCOURSE**

Article is devoted a debatable theme of a parity of democracy and the local government considered as its special case. The local government is positioned as the form of democracy providing the sovereignty of the people and continuous of subjective human rights and the citizen.

Democracy; the sovereignty; self-management; the public power; democracy; powers; resources.

Несмотря на разнообразные формы представительства на официальном уровне, именно народное представительство является непосредственным выразителем общественных интересов и мнений по вопросам регулирования общественных отношений, определения субъективных прав и обязанностей граждан. Поэтому

одним из важнейших прав является право граждан на непосредственное представительство в органах публичной власти, которые в настоящее время, как правило, заняты бюрократическим аппаратом. Об этом свидетельствует фактическая несменяемость должностных лиц и государственных служащих, которые нашли способ закрепления своей несменяемости в бюрократической карусели, означающую плановую ротацию кадров из одного номенклатурного списка.

Полагая, что субъективные права граждан наполняются смыслом лишь при юридически обеспеченной возможности их осуществления, следует всячески способствовать развитию форм народного представительства, где носителями права выступают его реальные субъекты. Данную проблему выделяет М.С. Матейкович, выдвигая тезис о коллективистском понимании активного и пассивного субъективного права, обосновывая расширение указанного права граждан ссылками на Конституцию РФ «Федеральное законодательство» [1]. Поэтому наиболее конструктивную попытку ввести в научный оборот право граждан на народное представительство следует рассматривать как самостоятельный сегмент теории народовластия. В ходе этого необходимо определить субъективное право граждан на народное представительство как основополагающее, лежащее в основе правового государства и выражающее осмысленную волю гражданского общества, так как правового государства, навязанного политической элитой или финансовой олигархией, не может быть по определению, потому что такое государство будет «машиной для поддержания господства одного класса над другим» благодаря различию их положения в системе общественно-экономического и политического устройства.

Следовательно, обязанность должностных лиц и представительных органов заключается в реализации потребностей и интересов народа через инициативы гражданского общества, в которых вырабатывается необходимый консенсус в принятии государственных решений. Право на самоуправление является фундаментальным, так как принадлежит народу как целому или же его отдельным частям, выделяемым по существенным основаниям: политическим, культурным, этническим, территориальным и т.д. В этом глубинный смысл народного представительства, противостоящего субъективизму и эгоизму, так как право на него не принадлежит отдельным лицам, а определяется массовостью, ассоциированностью, коллективностью и солидарностью. Его органическая сила проистекает из субъективных прав конкретных граждан, входящих в политические партии и другие общественные объединения, полномочные выдвигать инициативы от имени социальных групп или народа в целом.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что концепция народного представительства базируется на следующих правовых и морально-политических принципах:

- ◆ непосредственного волеизъявления народа в ходе референдумов, выборов, сходов, собраний, права отзыва при условии перманентного расширения форм непосредственного участия в осуществлении государственной власти и местного самоуправления;
- ◆ народовластия в широком смысле этого понятия выступает как реальная возможность замены бюрократических отношений гражданско-правовыми во всех случаях, когда условия для замены имеются на лицо;
- ◆ осуществления на уровне местного самоуправления мер воспитательного характера по формированию гражданской позиции, включающей уважение к истории, культуре, народным традициям региона и народа в целом;
- ◆ поливариантности форм политико-правового участия в общественной жизни посредством не только одобрительных, но и протестных форм, та-

ких как демонстрации, митинги, шествия, пикетирования и т.п., выдвигающих требования и лозунги, не всегда удобные для существующего режима. Этим обеспечивается прямое волеизъявление народа, например, протесты против безудержного роста цен, что является сигналом к корректировке проводимого курса, а также гарантирует демократичность народовластия, так как являются установленными формами выражения мнения народа, то есть имеют юридический смысл.

Народное представительство означает феномен обязательной политической солидарности между правительством и органом, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения [2], что можно признать как претворение демократического устройства общества. Примечательно, что в системе советов, являющихся формой как государственной власти, так и народного представительства, правительство более чем какой-либо другой орган взаимодействовало с общественными организациями, но истинного народовластия это сотрудничество, в силу известных причин, не обеспечивало. Кроме того, такое тесное единство устраняло взаимную оппозиционность представительной и исполнительной ветвей власти, лишая смысла принцип разделения властей, так как Советы объединяли в себе исполнительную, законодательную и отчасти судебную функции.

Наличие законодательного органа в форме Советов, парламента (Думы), народного собрания или какого-либо другого представительства всегда считалось важным критерием демократического или тоталитарного устройства государственной власти. Стремление к взаимодействию с различными общественными организациями и группами в условиях централизации власти, сводилось к сотрудничеству с религиозными и иными объединениями граждан по интересам, что, например, было характерно для дореволюционной России и, что выразилось в понятии – “соборность”, которое, впрочем, ни на шаг не приближало Россию к демократии, впрочем, нынешние церковные Соборы ничем не добавляют в осуществление народовластия в России, так как имеют обязательный характер только для внутрицерковной жизни, преследуя при этом свои корпоративные интересы.

Нельзя не отметить, что представительство рассматривается в научной литературе и как часть учения о публичной власти, на что обращают внимание, такие ученые, как Р.М. Романов, О.Н. Булаков и др. [3;5]. “Народовластие есть режим обязательной политической солидарности между правительством и органом или органами, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения [2]”, – утверждал С.А. Котляревский. Эта оценка сохранила свою актуальность до настоящего времени, по крайней мере в части, рекомендующей социальное партнерство и консенсус между гражданским обществом и государством как залог стабильного их развития в условиях расширяющейся демократии, прав и свобод граждан.

В настоящее время к таким структурам относится Общественная палата, правозащитные организации, различные наблюдательные советы и т.д. Общим в их оценке является акцентирование внимания на легитимность их деятельности и организации, правомочия которых закрепляются законодательным путем, а избранием, определенным статусом на основе чего она действует как оппоненты существующей власти. Выделяя основные принципы представительства, Р.М. Романов отмечает такие их черты, как «выражение и защита интересов всех социальных групп населения страны; приоритет законодательных органов власти (парламентов) перед исполнительными, судебными, хозяйственными и иными» [3].

В этой связи А.Д. Керимов называет представительные органы как «принимаемую обществом систему взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими госу-

дарственными органами, обеспечивающую его адекватное положение в государственном механизме и выступающую в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии» [4]. Следовательно, можно сделать вывод, что в основных взглядах на природу и сущность народовластия складывается общая точка зрения, что она является выражением базисных отношений публичной власти и гражданского общества выполняя функции, которые не может адекватно выполнить никакой другой орган, его отсутствие или бездействие приводит к атрофии публичной власти. «На сегодняшний день народовластие представляет собой комплексную структуру публичной власти, выражающую интересы населения посредством законодательной деятельности и многофункциональную подсистему, и составную часть разветвленной системы публичной власти» [5]. Таким образом, народовластие, с точки зрения автора, сужается до уровня государственной власти, при которой функционируют различные структуры, вносящие в стратегию государственной власти свои коррективы. Признавая это, следует отметить, что такого партнерства не достаточно для укрепления правового государства, которое должно стать гарантом осуществления прямого народовластия. Тогда законы будут не насаждаться властью, а исполняться в обществе как программа реализации собственных интересов.

Понятие народовластия можно определить также как особую систему организации публичной власти, структурно и функционально основанную на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли представительной власти в целях реализации и закрепления полномочия народа. При этом следует иметь в виду, что народовластие более соответствует именно представительная ветвь власти, так как законодательная ее функция находится вне непосредственного контроля со стороны гражданского общества. В российской властной концепции заложена туманная идея, что все государственные служащие находятся на службе у Президента РФ и, следовательно, контролируются им, тогда как публичная власть избирается непосредственно народом и подотчетна им. Чиновники олицетворяют власть и закон, тогда как депутаты выступают от имени своих избирателей и в соответствии с полученными наказаниями, что ставит их в отношения обратной связи со своим электоратом.

В научной литературе можно найти и другие определения публичной власти, как например, система управления обществом и государством, в которой народовластие занимает доминирующее положение; как форма представительной демократии; как специфический демократический механизм реализации интересов всех социальных слоев общества, декларируемый как общенародный интерес; как реальное и конкретное воплощение демократии и другие. Это говорит о многоплановости института народовластия, который реализуется в различных формах самоуправления, разнообразия которых свидетельствует о движении по пути демократии к правовому государству. Нельзя ограничивать проявление народных инициатив по развитию самоуправления, так как это было бы равносильно сужению потенциальных возможностей народа на участие в отправлении публичной власти и местного самоуправления.

В то же время очевидно что если народовластие на общегосударственном уровне было бы самым совершенным, то в таком случае оно подрывало бы парламентаризм как таковой или, как утверждал К. Шмитт, «оправдывало бы антипарламентский центризм» [6]. В принципе такая ситуация является отдаленной целью развития народного представительства и реально может воплотиться пока только на уровне местного самоуправления. На практике же это приводит к установлению той или иной формы тоталитаризма, как это и произошло в Германии в 30-е гг. XX в. И как это позже проявилось в странах, где устанавливалась власть «отца

наций», «вождя народа» и т.д. Таким образом, теоретически привлекательная конструкция на практике иногда приводит к издержкам политической жизни, что подтверждает актуальность анализа института народовластия и развитие его как наиболее эффективной модели реализации субъективных прав граждан на участие во власти.

В связи с этим современную форму народовластия можно рассматривать в следующих аспектах: во-первых, как реальный политико-правовой институт, воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти, где существует демократический способ формирования органов публичной власти и местного самоуправления; во-вторых, как особый случай расширения публичной власти, ведущий к образованию «народного представительства», при котором прерогативы парламента частью распространяются на формирование исполнительной власти, что характерно для так называемых стран народной демократии; в-третьих, как социально-философская концепция, служащая научным обоснованием необходимости народовластия, как института и его общественных функций и, в частности, самоуправления народа, отражающего интересы различных слоев населения при решении вопросов своего жизнеобеспечения. Очевидно, что названные аспекты тесно взаимосвязаны между собой, но сведение понятия народовластия лишь к народному представительству принижает его политико-правовое значение, лишая общественную науку надежды на поиск модели построения гражданского общества.

Народовластие исторически сочетается с различными формами правления, подтверждая свою прикладную значимость и универсальность в решении вопроса о самоуправлении или, как писал С. Котляревский, «с народным представительством в равной степени применима и монархическая, и республиканская формы» [2]. Это значит, что исторически существенная и первоначальная функция народовластия заключалась в ограничении власти правителя, создании сдерживающих ее механизмов. Инструментом для этого послужило условие обязательного одобрения парламентом определенных решений и указов правителя, таких как новые налоги,боры в армию, объявление войны, заключение мира и т.д., обязательность исполнения принятых законов со стороны правителя и всех государственных органов, подотчетных им. Наряду с ограничительной ролью органов публичной власти постепенно складывалась его представительная функция, как возможность политического выражения интересов определенных социальных групп, а затем и всего населения путем последовательного становления всеобщего избирательного права, а вместе с этим и расширение социальной базы выборных органов власти.

Концепция народного представительства, предполагающая, прежде всего, выборность представителей от различных социальных групп в законодательные и иные органы власти, включает исследование вопроса о средствах и механизмах реализации политической воли народа. Гипотетически существует много таких инструментов, но практически в этом качестве утвердились политические партии и избирательные объединения граждан. В настоящее время политические партии в России являются важнейшим звеном политического процесса, так как они выступают либо от имени большинства, либо в качестве организации легальной оппозиции.

Поэтому анализ механизмов и функций народовластия требует также учитывать законность интересов различных социальных групп в обществе, так как от них зависит конфигурация политико-правового ландшафта. В то же время ошибочно представлять любую оппозиционную деятельность как экстремистскую, так как экстремизм и радикализм, с одной стороны, а оппозиция – с другой, имеют различную социальную природу и преследуют различные социальные

цели. Экстремизм стремится к разрушению сложившихся социальных связей и наметившегося консенсуса основных политических сил общества, тогда как радикализм может выступать с «прорывными» идеями, призванными придать этому консенсусу новое начало, но при этом выходить за рамки сложившегося баланса политических сил.

В условиях постсоветского становления народовластия в России радикальные силы не были отодвинуты на периферию политико-правовой жизни и присутствуют, как в структурах представительной власти, так и в системе взаимосвязи институтов гражданского общества, о чем свидетельствует опыт существования так называемой парламентской оппозиции, которая оппонирует лидирующей партии, не давая ей превратиться в консервативный фактор.

В последнем случае народовластие не исчезает, но теряется его многофункциональность, и начинают выдвигаться преимущественно демагогические цели, которые формально имеют право на существование, но малоконкретные, так как действительно общенациональных целей в России наметилось достаточно и целью политической борьбы является их диверсификация. В российском политико-правовом менталитете постепенно складывается понимание, что в политической борьбе, партия приобретает не только дополнительную силу, но и свое место в системе народовластия, что часто происходит именно в силу конструктивной критики со стороны оппозиционной, и, наоборот, партия теряет свое влияние, как инструмент представительства, если она ограждена от критики.

Очевидно, в настоящее время эта угроза существует в отношении партии власти, которая с целью нейтрализации критики и ослабления оппозиции поглощает те политические группы, которые в прошлом противостояли ей. В частности, вхождение Аграрной партии в «Единую Россию» свидетельствует о таком недружественном поглощении, так как ей будет трудно позиционироваться в рядах партии чиновников и олигархов. Следует признать, что при формировании и институционализации современных политических партий в России большинство из них, представляя интересы своего электората, предлагают свои политические программы, не подвергающие сомнению основные принципы народовластия. Поднявшие в прошлом голову монархисты постепенно сходят с политической сцены, так как, вероятно, поняли, что принципы монархизма антиконституционны, ибо дело обстоит по принципу «или-или», то есть монархия или республика. Кроме того, их деятельность может расцениваться как направленная на изменение конституционного строя, запрещенная статьями конституции, провозглашающими и закрепленными принципами суверенитета народа, народовластия и самоуправления.

Поскольку монархисты ставили антиконституционные цели по замене народовластия единовластием, постольку в ходе дальнейшей эволюции они бы непременно вступили в конфликт с существующей системой. Вводить же монархию лишь для удовлетворения амбиций небольшой прослойки общества было бы ударом по складывающейся системе народовластия, что отбросило бы политический консенсус в России на исходные позиции, именно внесением абсурдности и неопределенности в республиканские ценности, закрепленные в институте народовластия. Давая оценку специфике становления института народовластия в условиях российской действительности, следует констатировать, что она была обусловлена неоднозначностью и противоречивостью как социально-философского плана, так и характером российского менталитета. Однако притягательность принципа народовластия оказалась выше различных политико-правовых концепций, уводящих Россию на периферийные магистрали общемирового развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в РФ. – М.: Проспект, 2003. – С. 67.
2. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма // Новое время. – 1994. – № 14. – С. 58.
3. Романов Р.М. Понятие и сущность парламентаризма // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 213.
4. Керимов А.Д. Французский парламентаризм: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – С. 16.
5. Булгаков О.Н. Государственная власть и местное самоуправление. – М., 2003. – С. 12-17
6. Шмитт К. Политическая теология. – М.: Проспект, 2000. – С. 184.

Земченков Николай Федорович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 888634371631.

Zemchenkov Nikolai Fedorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +788634371631.

ББК 374.00

Е.Г. Козарук

**СУДЕБНЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ
КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ**

Проанализировав за последние годы влияние судебной практики по применению норм гражданского законодательства, о возможности возмещения морального вреда, причинённого вследствие умаления деловой репутации юридического лица, можно сделать вывод о недостаточности взаимодействия между различными ветвями судебной власти. В статье автор указывает на различное толкование юридической конструкции «моральный вред», что приводит не только к судебным ошибкам, но и чревато опасностью в дальнейшем дискредитировать институт компенсации морального вреда.

Моральный вред; юридическое лицо; прецедент; деловая репутация; нематериальный вред; репутационный вред; нематериальные убытки; европейский суд по правам человека.

E.G. Kozaruk

**THE JUDICIAL APPROACH TO THE QUESTION ON POSSIBILITY OF
COMPENSATION OF INDEMNIFICATION OF MORAL HARM TO LEGAL
BODIES**

Having analysed during the last years judiciary practice influence on application of norms of the civil legislation, on possibility of compensation of the moral harm caused owing to belittling of business reputation of the legal person, it is possible to draw a conclusion on insufficiency of interaction between various branches of judicial authority. In article the author specifies «moral harm» in various interpretation of a legal design. It results not only in miscarriages of justice, but also to danger further to discredit institute of indemnification of moral harm.

Moral harm; the legal body; precedent; business reputations; non-material harm; harm of business reputation; non-material loss; The European court under human rights.